

ЛЮБИМЫЙ

Виталий ЛАЗАРЕНКО

В САРАТОВ приехал чемпионат французской борьбы, в котором были замечательные борцы. Среди всех выделялись чемпион мира — «волжский богатырь» Иван Заикин, затем Александр Богатырев, негр Сильвестр Бамбула и в легком весе был сильный и юркий боец Вальтер. Помню, в Саратове был бенефис Ивана Заикина. В бенефисном представлении шла большая цирковая программа, а в третьем отделении перед началом чемпионата выступал Иван Заикин. Оркестр играл «Эй, дубинушка, ухнем!», из-за кулис появлялся Заикин в русской рубашке, в лаптях. На плечах он нес необычайно большой бочонок. Он обносил его вокруг арены. Потом этот бочонок у него снимали, и он начинал рассказывать публике свою биографию. Рассказывал, как из грузчиков Саратовской пристани он сделался чемпионом мира, как был авиатором и в последнем полете разбил аэроплан конструкции Фармана, вспоминал подробности своего детства.

Затем шла борьба. В последней паре боролся бенефициант Иван Заикин с Черной маской. Во время борьбы публика с большим напряжением следила, кто кого одолеет. И вот, представьте, на сорок девятой минуте Черная маска ловко подставила ногу и положила Заикина. В цирке поднялся необычайный переполох. Все кричали:

— Неправильно!

Безусловно, боец под черной маской положил Заикина неправильно. Сам Заикин стоял растерянный около того места, где его положили, и плакал. Плакал по-настоящему: у него текли слезы. Он ходил около барьера, обращаясь к публике, чтобы она посоветовала, что ему делать, как выйти из положения. Публика старалась его успокоить. Арбитр объявил зрителям, что через два дня назначается борьба-реванш по вызову Ивана Заикина, который считает, что Черная маска положила его неправильно, и предлагает премию в пятьсот рублей, если Черная маска снова его положит.

Представление закончилось. Публика пошла на арену, окружая победившего любимица и уговаривала его не волноваться и не беспокоиться, ибо действительно Черная маска положила его неправильно. Через два дня по городу расклеились большие афиши о реванше Ивана Заикина. Цены в цирке были повышенные. И публика уже с раннего утра, часов с семи, растянулась в большую очередь у кассы, ожидая ее открытия. До двух часов дня все билеты были проданы. Около цирка крутились перекупщики. К вечеру наплыв публики был такой, что пришлось вызывать наряд конной полиции и пожарных. Во время борьбы, которая шла без отдыха, до победного конца—кто кого, напряжение как в цирке, так и за его стенами было огромное. И вот на восемьдесят второй минуте Иван Заикин приемом тур де бра кладет Черную маску. Поднялся гул. Публика вскочила на арену, подхватила Заикина и долго-долго его качала. Всех интересовало, какой боец находится под маской. Они кричали:

— Маску долой!

Но арбитр сейчас же сказал, что через два дня по просьбе Черной маски состоится борьба-реванш, а Черная маска заявляет, что если Заикин положит его, то будет снята маска и названа фамилия.

Через два дня опять появилась афиша. Билеты в этот день были распроданы за один час. Перекупщики рублевый билет на галерку продавали по пяти. И билеты шли нарасхват. Наступил вечер. Начался парад борцов. После парада в третьей паре Черная маска опять встретилась с Заикиным. После свистка арбитра неожиданно для всех Иван Заикин хватает Черную маску приемом переднего пояса и ярко припечатывает лопатками к коврику. Опять гул, шум, овации, крик публики:

— Маску долой!

И вот арбитр заявил, что сейчас боец-инкогнито снимет маску и назовет фамилию. Борец медленно развязывал узелок, который затягивал маску, а потом тихо назвал арбитру свою фамилию. Наконец арбитр объявил, что под маской скрывался ростовский боец Разумов. Человек этот был с рыжими усами, с правильными чертами лица, высокого роста, пудов на восемь весу. Он раскланялся с публикой. Под торжественный марш победитель и побежденный покинули арену. Все это они так замечательно проделали, что публика приняла борьбу за чистую монету. Но все было сде-

В. Е. Лазаренко и боец Иван Шемякин. Полтава, 1916 год.

лано для больших сборов и повышения интереса к борьбе.

Иван Заикин был блестящим мастером. Он обладал невероятной силой, ловкостью и находчивостью в борьбе. Когда он плакал, а иногда его плач переходил в рыдания, то никак нельзя было подозревать, что это нарочно.

ПОМНЮ, когда днем заканчивалась в цирке репетиция, я выходил на Садовую-Гриумфальную площадь, где на углу помещалась пивная «Ку-ку!» и ожидали два или три извозчика: «Не угодно ли, барин, прокатиться?» До Страстной площади брали четвертак. Однажды я появился на Страстной. Там всегда стоял единственный автомобиль. Его владельцем был известный боец Лютов. Я остановился около автомобиля, а в это время подошли знаменитые борцы Иван Поддубный и Збышко Цыганевич. Они обратились к Лютову с просьбой, чтобы он прокатил их на своей машине. Лютов сейчас же согласился и стал заводить машину. Он ее заводил не менее двадцати минут. За это время собралась толпа. Машина была старого образца, вся в латках. Задний кузов был настолько высокий, что когда мы сели, то видны были только наши макушки. Для того чтобы видеть все вокруг на улице, нужно было приставать с места. После двадцатиминутной возни с заводкой машины она наконец начала стрекотать, люди шархнулись в стороны. Лютов, потный, измученный, сел за руль и пустился в путь. Машина выпускала газ настолько густой, что он долго держался после отъезда. В то время езда на автомобиле была исключительной роскошью. Лютов зарабатывал на своей машине большие деньги и совершенно забросил свое основное ремесло, свой чемпионат французской борьбы.

В 1915 ГОДУ в конце февраля или начале марта в цирк на представление пришел Алексей Максимович Горький. Сидел он в партере во втором ряду. Когда я узнал, что на представлении присутствует Алексей Максимович, я перед выходом очень волновался и часто подходил к занавеси и смотрел на Алексея Максимовича, который очень внимательно следил за программой. В этот вечер я делал свое антре. В репертуаре у меня были прыжки сальто-мортале через группу лошадей. Когда я сделал свой финальный прыжок через десять лошадей, то был очень рад и счастлив, что моя работа понравилась Алексею Максимовичу. После меня был еще один номер, затем был объявлен антракт. Во время антракта Алексей Максимович пришел посмотреть на лошадей. Артисты моментально окружили его, познакомились, и я объяснял Горькому, какая лошадь что делает:

— Вот лошадь, которая принадлежит Энрико Труцци. Ее зовут Вермут. Она исполняет замечательный клоунский номер. Бегае по арене за мной. Например, прыгаю я в обруч — и лошадь за мной. Я убегаю за ширмы, и она продолжает преследовать меня. Тогда я взбираюсь на лестницу. Она толкает лестницу лбом, и я падаю на арену. Тут же поднимаюсь и прячусь в открытый сундук. Она забегает со стороны, становится на задние ноги, а передними закрывает крышку сундука. Сундук сейчас же при помощи проволоки уезжает, а лошадь, опираясь передними на сундук, оставаясь все время на задних ногах, так и уходит.

После осмотра лошадей Алексей Максимович очень любезно беседовал с нами. Когда закончилось третье отделение и оркестр сыграл марш, артисты и публика проводили Алексея Максимовича до саней.

В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА был мой бенефис, на котором присутствовал Александр Иванович Куприн. После бенефиса пришел ко мне, крепко пожал руку. Я тут же разгримировался и оделся. Александр Иванович попросил у меня лист бумаги и написал следующие слова: «Дорогой друг Лазаренко! Смейся, прыгай, остри, паясничай. Твой труд любит и чопорный партер, любит и шумная галерка, а больше всего любят дети, и черт поберет тех, кто твоё искусство поставит ниже всего другого — оно вечное».

Я пригласил Александра Ивановича ко мне на ужин. Куприн согласился. Мы все разместились за столом. Бокалы были подняты. Александр Иванович произнес речь. За ужином много шутили, веселились. Куприн был очень доволен. Когда я с ним прощался, он, уже в пальто, сел за стол и написал: «После прекрасного бенефиса, после веселого ужина и бенефицианта, после пения и пляски найду ли я слова, чтобы выразить дорогому Виталию Лазаренко, другу моему, все мои теплые чувства и благодарность за столь очаровательный вечер». В моем альбоме осталась и третья записка А. И. Куприна: «Милый Лазаренко, цирку уже много тысяч лет. И цирк еще много тысячелетий проживет, пока в людях не умрет уважение к ловкости, смелости, красоте тела и к свободной шутке».

ПОСЛЕ вечерних представлений я очень часто ходил в кафе футуристов, которое помещалось в Настасинском переулке. Во главе этого кафе были Владимир Владимирович Маяковский, Василий Каменский и Бурлюк. Помещение кафе собой представляло длинный зал, в конце которого находилась маленькая эстрада. Посредине в длину стояли обыкновенные длинные столы, не крашенные и даже не покрытые скатертью. Обстановка была очень простая. Встречал гостей, приходивших сюда, сам Маяковский. Очень часто здесь бывали И. М. Москвин и Л. М. Леонидов. Маяковский очень интересовался клоунским делом и давал мне советы и темы для моих клоунских реприз.

Во второй половине октября я был приглашен Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом для участия в пьесе Маяковского «Мистерия-буфф». Во время репетиции я опять встретился с Маяковским, мы поздоровались и стали беседовать. Я просил Владимира Владимировича, чтобы он для меня написал политическое цирковое антре. Он тут же с радостью дал мне слово, удалил меня по правому плечу и спросил:

— Где мы встретимся?

Я ему сказал:

— Завтра. За два часа до репетиции приходите ко мне пить кофе, и мы обсудим, какое сделать антре.

На второй день он аккуратно пришел, как мы с ним договорились. Я ему рассказал очень много старых реприз, шуток и тут же объяснял, какие репризы ярче и доходят до зрителя, говорил, что цирк любит слова короткие, яркие и остроумные. Я сказал Маяковскому, что хорошо бы сделать номер «Чемпионат классовой борьбы». Мы на этом и остановились. Он тут же набросал в свою записную книжечку несколько слов и попрощался со мной, сказав, чтобы я зашел к нему в мастерскую, где он ежедневно бывает и рисует картины для «Окон РОСТА». Через три дня я пришел. Он усадил меня на стул, вынул из кармана текст и тут же начал читать. Мне антре очень понравилось. Мы сделали несколько поправок. Он тут же вручил мне текст и спросил, когда будет первая репетиция. Владимир Владимирович обязательно хотел

В СЯ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ заслуженного артиста Российской Федерации Виталия Ефимовича Лазаренко прошла на манеже цирка. О трудной профессии клоуна и памятных встречах он оставил воспоминания, отрывки из которых мы публикуем. Рукопись хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

присутствовать на репетиции. Он первый раз написал для цирка, и ему хотелось видеть, как это получится. Я обещал, что первая репетиция пойдет в его присутствии и только для одного него. Тотчас же я начал разучивать текст. Дней через пять была назначена первая репетиция, на которой был Маяковский. Он сделал еще несколько поправок. Это было накануне Октябрьских праздников.

Антре прошло с большим успехом. Я выступал в клоунском костюме, сделанном по эскизу художника Павла Кузнецова. Во время антракта Маяковский пришел ко мне в уборную, поздравил с успехом. Он был доволен, что все так удачно прошло, и тут же сделал еще несколько других поправок. Мы продолжали беседовать. Во время беседы он протянул мне лист бумаги, на котором была написана советская азбука, текст которой еще не был закончен полностью. После того как Владимир Владимирович прочел мне азбуку, я тут же попросил сделать мне еще антре. Я просил, чтобы он нарисовал большие картины на картоне, штук двенадцать—пятнадцать, и для каждой картины написал две строчки стихов. Вскоре я получил обещанный номер. Я поехал к нему в мастерскую и забрал там сделанные Маяковским картины. Дней через десять я выступил с этим номером, который имел большой успех.

ОДНАЖДЫ у нас в цирке Никитиных устраивался спектакль «Актёры Москвы на арене цирка». Присутствовали все артисты, в том числе был Александр Иванович Южин-Сумбатов, который должен был выступить с монологом из своей пьесы. Александр Иванович очень волновался. Он выступал в цирке первый раз, и мне пришлось ему рассказывать, где лучше на арене стоять, чтобы было хорошо слышно. Когда наступила его очередь, он вышел на арену и начал чтение. Прошло минуты три, и с галерки стали кричать:

— Громче!

Ему пришлось на минуту остановиться. Когда галерка утихла, он снова продолжал читать. Через минуту опять послышалось:

— Громче, ничего не слышно!

Александр Иванович не закончил своего монолога, ушел с арены расстроенным, и когда встретил меня, то сказал, что выступал в цирке в первый и последний раз. Я стал успокаивать его, говорил, что в цирке надо выступать по-другому, чем в театре:

— Когда вы читали свой монолог, то слышали, как эхо повторяло ваше каждое слово. Впечатление такое, будто вы говорите в бочку. Вы всю жизнь выступаете в театре, у вас все основано на нюансах, а цирк не воспринимает такую подачу голоса. Цирк любит, чтобы выступающий не стоял на одном месте, а все время поворачивался в разные стороны. Цирк круглый, и публика сидит и спереди, и сзади, и с боков. Поэтому надо обязательно поворачиваться в разные стороны, говорить громко и четко. В цирке надо просто кричать.—Александр Иванович согласился и после сказал, что цирк—это тяжелая штука. Прощаясь со мной, он написал в моем альбоме: «Дай Вам судьба, милый Виталий Ефимович, всего, что можно в жизни добыть настоящим талантом. А. Южин. 8 августа 1919 г. Москва».

В тот же вечер в цирке выступал Давыдов, актер с большим именем. Я встретил его у нашего выхода, поздоровался. У меня горели щеки. Он приподнял руку, приложил ее к моей щеке и сказал:

— Вы волнуетесь...

Я ответил, что я уже больше двадцати лет на арене цирка.

Давыдов продолжал:

— Каждый настоящий актер должен волноваться. Возьмите, например, меня. Я работаю больше сорока лет и, когда выступаю в спектакле, всегда волнуюсь. Так волнуюсь, как волновался сорок лет назад, несмотря на то, что все свои роли переиграл сотню раз.